

25. Извлечение из отчёта обер-прокурора Святейшего Синода за 1837 г. – Санкт-Петербург: Синодальная тип., 1838. – 123, 252, IV с.

26. Извлечение из отчёта обер-прокурора Святейшего Синода за 1838 г. – Санкт-Петербург: Синодальная тип., 1839. – 110, 131, IV с.

27. *Likowski, E. Dziej kościoła greko-unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku: w 2 cz.* – Warszawa: Gebethner i Spółka, 1906. – Cz. 1. – 277 s.

(Дата подачи: 27.02.2025 г.)

Жэнь Сюэ

Белорусский государственный университет, Минск

Ren Xue

Belarusian State University, Minsk

УДК 327(510)+1(510)(091)

ОТРАЖЕНИЕ КОНФУЦИАНСКИХ УСТАНОВОК ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР

REFLECTION OF CONFUCIAN ATTITUDES IN THE FOREIGN POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

В статье оценивается влияние конфуцианства на внешнюю политику Китайской Народной Республики в 1949–2023 гг. Автором сделан вывод, что конфуцианские постулаты («мироустройство», «следование середине», «великая гармония», нравственный подход к политике) использовались во внешней политике КНР в качестве вспомогательных элементов. Отмечено, что более активно конфуцианские установки, адаптированные к новым политическим и экономическим реалиям, стали использоваться во внешней политике КНР в начале XXI в.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; конфуцианство; внешняя политика; дипломатия; «пять принципов внешней политики»; суверенитет; развитие.

The article evaluates the influence of Confucianism on the foreign policy of the People's Republic of China in 1949–2023. The author concludes that Confucian postulates («world order», «following the middle», «great harmony», moral approach to politics) were used in the foreign policy of the PRC as auxiliary elements. It is noted that Confucian attitudes adapted to new political and economic realities began to be used more actively in China's foreign policy at the beginning of the 21st century.

Keywords: People's Republic of China; Confucianism; foreign policy; diplomacy; “five principles of foreign policy”; sovereignty; development.

Провозглашение КНР 1 октября 1949 г. ознаменовало новый поворот в политическом развитии Китая. Победу одержали сторонники революции, выражавшие приверженность марксистским идеям и не нуждавшиеся в сохранении старых традиций и концепций.

Неоднозначным было отношение к конфуцианству основателя КНР, Председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна. Известный американский политолог и дипломат Г. Киссинджер утверждал, что Мао, вопреки догматам конфуцианства, «идеализировал бунты и столкновения с силами противника...» [6, с. 113]. Российские советские ученые – политолог Ф. М. Бурлацкий и историк-китаевед Л. С. Переломов также считали, что Мао Цзэдун не придерживался конфуцианских принципов в своей политике [2, с. 168; 14, с. 288]. Эту точку зрения разделяла белорусская исследовательница Е. Е. Кудряшова, которая утверждала, что внешняя политика Мао Цзэдуна не имела «человечного» компонента, который содержался в учении Конфуция [7, с. 158].

Китайские ученые не считают, что Мао категорично отвергал конфуцианские установки. К примеру, научный сотрудник Центрального института педагогических наук и китайского Фонда Конфуция Ян Хуаньин в статье, опубликованной в 1993 г., утверждал, что первый лидер КНР творчески относился к китайскому историческому наследию, вычленив суть и отбрасывая ненужное и осуществляя гармоничный баланс исторического наследия с марксистской теорией [19, с. 4].

Во времена пребывания у власти Мао Цзэдуна в политике КНР действовала установка «использования древности ради современности» (*гу вэй цзи юн*). Этот подход затрагивал также и сферу внешней политики. В частности, в 1953 г. Премьер Государственного совета и по совместительству министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай объявил, что внешняя политика КНР базируется на «пяти принципах мирного сосуществования». В число этих принципов вошли уважение суверенитета и территориальной целостности, мирное сосуществование, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода [12, с. 140–141]. Соответствующие принципы в определенной мере совпадали с конфуцианскими постулатами «гармонии» и «человеколюбия».

Вместе с тем Мао Цзэдун считал, что конфуцианская идеология не должна определять политику КНР, поскольку ее используют реакционные элементы [10, с. 146]. Негативное отношение к наследию Конфуция усилилось во время «культурной революции», начатой в 1966 г. (в 1981 г. в КНР была принята резолюция по некоторым вопросам истории КПК, в которой «культурная революция», осуществленная по инициативе Мао Цзэдуна, была охарактеризована как гражданская война, ошибочно инициированная лидерами и использованная контрреволюционными группами [4]). В 1973–1975 гг. в КНР была организована кампания «критики Линь Бяо (министра обороны КНР, погибшего в 1971 г. в авиакатастрофе) и Конфуция». Линь Бяо обвинялся в стремлении придерживаться конфуцианского «принципа середины» (*чжун юн*) в борьбе против «левого» и «правого» уклонов в КПК [14, с. 9; 266]. Критикуя Конфуция и Мэн Цзы за «капитулянтство во внешней политике», радикальные маоисты утверждали, что внутренних «реак-

ционеров и оппортунистов» в КНР, разделяющих его идеи, поддерживает Советский Союз [14, с. 10; 277]. Таким образом, внутренняя идеологическая полемика, связанная с конфуцианством, переносилась на уровень межгосударственных отношений.

Пришедший к власти в КНР после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. Дэн Сяопин относился к конфуцианским установкам в области государственного управления более терпимо, внося свой вклад в интеграцию конфуцианства и марксизма. Он акцентировал внимание на необходимости мирного развития Китая, выступал за урегулирование международных споров путем диалога и консультаций и осуществлял «внеблоковую» внешнюю политику. В 1980-х – 2000-х гг. китайское руководство придерживалось «пяти принципов» внешней политики активнее, чем во времена Мао Цзэдуна.

В конце XX в. власти КНР стали спокойнее относиться к творческому наследию Конфуция. Его демонстративная критика была прекращена. В 1984 г. в Пекине был создан Китайский фонд Конфуция, в 1994 г. там же появился Международный союз конфуцианства, а в отдельных китайских провинциях и городах начали функционировать общества Конфуция [16, с. 22–23]. В КНР стали проводиться научные конференции, посвященные наследию Конфуция и его последователей. Возобновилось издание трудов известных ученых-конфуцианцев, прекращенное во времена «культурной революции». Руководители КПК и КНР стали чаще обращаться к конфуцианскому творческому наследию.

Неотъемлемым компонентом внешней политики КНР в условиях реформ являлось стремление сохранить суверенный статус государства. В октябре 1987 г. на XIII съезде КПК впервые был закреплён курс на строительство «социализма с китайской спецификой», который предполагал осуществление «независимой и самостоятельной мирной дипломатии» [9, с. 79]. В ноябре 1993 г. Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь подчеркнул, что Китай должен учиться у стран Запада передовым технологиям и управлению на научной основе, но при этом политические реформы будет осуществлять не на основе западной модели, а с учетом исторического опыта формирования китайской государственности [17, с. 384]. Также он считал, что главными правами человека являются право на существование и развитие [17, с. 384].

Еще одним компонентом, соответствующим конфуцианским канонам, было стремление к нравственному поведению во внешней политике, направленному на гармоничное развитие мира. Со второй половины 1980-х гг. руководство КНР стало стремиться к формированию отношений «взаимной выгоды, взаимного доверия, равенства и сотрудничества», выражая готовность распространить соответствующий подход на все зарубежные государства, вне зависимости от их статуса на мировой арене.

Эти настроения укрепились в условиях завершения «холодной войны» и прекращения биполярного противостояния. В июле 1993 г. Цзян Цзэминь

на встрече с китайскими дипломатами призвал их «превращать невыгодное в выгодное» [17, с. 360]. 24 октября 1995 г. на торжественном заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН по случаю 50-летней годовщины с момента создания этой организации руководитель КНР подчеркнул, что его страна готова внести более весомый вклад в развитие человечества [17, с. 553].

На заключительном этапе пребывания Цзянь Цзиньтао у власти китайская дипломатия стала оперировать понятиями «гармонии и разнообразия». Разъясняя суть этой установки во время выступления в Гарвардском университете в декабре 2003 г., Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао отметил, что соответствующий подход способствует налаживанию дружественных отношений с дружественными странами и устранению межгосударственных противоречий, поскольку гармония предполагает мирное сосуществование и развитие, а различия дополняют друг друга [3].

Сменивший в 2002 г. Цзянь Цзиньтао на посту Генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Ху Цзиньтао в 2005 г. выступил с развернутым предложением о создании «гармоничного мира», который мог бы охватить сферы политики, экономики, культуры, безопасности и экологии. В основу «гармоничного мира», по его мнению, следовало положить взаимоуважение, равноправные консультации и демократизацию международных отношений, сотрудничество и взаимодополнение экономик, взаимную выгоду и сбалансированность развития, взаимный обмен и уважение к культурному многообразию, взаимодоверие, мирное разрешение конфликтов и совместные усилия по поддержанию мира и стабильности, охрану окружающей среды общими усилиями всех стран [1, с. 17].

В начале 2010-х гг. Китайская Народная Республика позиционировала себя как «ответственную мировую державу», активно участвующую в работе международных структур [1, с. 17].

В XXI в. активизировалась пропаганда конфуцианства за пределами КНР. Важную роль в этом отношении сыграли Институты Конфуция. Первый из них был открыт в Сеуле (столице Республики Корея) 21 ноября 2004 г. К концу 2010 г. за пределами Китая действовало 322 института и 369 классов Конфуция в 96 странах и регионах мира [5]. Таким образом, именно образ Конфуция стал олицетворением культурного наследия Китая и брендом китайского государства.

Ху Цзиньтао напрямую не связывал внешнеполитические инициативы КНР с конфуцианством, но это сделал министр иностранных дел КНР Ян Цзечи. В июне 2012 г. на научном симпозиуме по безопасности, проходившем в Пекине, он подчеркнул, что принципы внешней политики КНР созвучны конфуцианской идее «гармоничного мира» [20, р. 117].

Еще активнее к наследию Конфуция руководство КНР стало обращаться после избрания на должность Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзинь-

пина в ноябре 2012 г. (в марте 2013 г. эта должность была совмещена с должностью Председателя КНР). Новый лидер КНР неоднократно использовал цитаты Конфуция в своих выступлениях. 24 сентября 2014 г. в выступлении на научном семинаре в Пекине, посвященном 2565-летию со дня рождения Конфуция, он отметил, что конфуцианство, которое изначально было китайской философской системой, распространилось по всему миру и стало частью мировой цивилизации [15, с. 200].

28 марта 2015 г. в выступлении на Боаоском азиатском форуме Си Цзиньпин заявил, что китайская нация с древности придерживается гармонии в межгосударственных отношениях, поэтому Китай будет и в дальнейшем осуществлять независимую и мирную внешнюю политику, сориентированную на взаимную выгоду. Также он подчеркнул, что Китай намерен содействовать установлению международных отношений нового типа, основанных на правильном понимании справедливости и выгоды, защищать мир во всем мире и помогать всеобщему развитию [15, с. 261].

Соответствующие установки были поддержаны на XIX и XX съездах КПК, проходивших в 2017 и 2022 гг., и закреплены в Конституции КНР в 2018 г. Также они нашли отражение в инициативах Си Цзиньпина по созданию Сообщества единой судьбы (2012 г.), «Одного пояса и одного пути» (2013–2015 гг.), «Нового взгляда на безопасность в Азии» (2014–2015 гг.), Инициативах глобального развития (2021 г.) и глобальной безопасности (2022 г.), Глобальной цивилизационной инициативе (2023 г.), получили практическое воплощение в деятельности КНР в ООН, ШОС, БРИКС, Совещания по мерам доверия в Азии, в сотрудничестве с АСЕАН, ЕС и ЕАЭС, налаживании взаимовыгодного сотрудничества со странами Запада и Глобального Юга, в посреднических усилиях и предложениях КНР по урегулированию региональных конфликтов.

В 2010-х и начале 2020-х гг. КНР активно пропагандировала преимущества своего социально-экономического развития, используя СМИ с глобальным охватом аудитории, различные культурные мероприятия, образовательные и гуманитарные проекты, научные и научно-практические семинары, конференции, диалоговые центры и площадки. Активность проявлялась в предоставлении гуманитарной помощи и оказании помощи в развитии [8, с. 136–137]. Продолжалась практика открытия за рубежом институтов и классов Конфуция. Наиболее успешно положительный образ Китая продвигался в развивающихся странах [8, с. 137].

15 марта 2023 г. Си Цзиньпин в речи на диалоге высокого уровня между КПК и другими политическими партиями мира, заявил, что модернизация «с китайской спецификой» способствует общечеловеческому прогрессу и общемировой гармонии [11, с. 215].

Таким образом, можно сделать вывод, согласно которому конфуцианство оказывало воздействие на внешнюю политику КНР, хотя на ранних этапах

ее существования конфуцианские установки демонстративно отвергались, заменяясь догматами марксизма и маоизма. В конце XX – первой четверти XXI в. руководители КНР стали активнее использовать элементы конфуцианской идеологии и практики при осуществлении внешней политики. Важными компонентами внешней политики КНР, связанными с конфуцианством, являлись склонность к самостоятельности во внутренних и внешних делах, отказ от силового навязывания своей модели развития, миролюбие, стремление избегать крайностей («следовать середине») и обеспечивать взаимовыгодное развитие ради общего блага, соблюдать нравственные нормы в процессе международного общения.

Возрастание геополитической и геоэкономической значимости КНР создает условия для проецирования китайского влияния на остальной мир. По мнению некоторых экспертов, в XXI веке проходит процесс создания «Большого Китая», который может включать помимо Китайской Народной Республики и входящих в ее состав специальных административных районов Сянган (Гонконга), Аомыня (Макао) также Сингапур и Тайвань. В более отдаленной перспективе не исключается даже создание «Великого Китая» на основе интеграции «Большого Китая» с Индонезией, Малайзией, Филиппинами и Таиландом с учетом возрастания в этих странах роли китайской диаспоры (хуацяо), которая также разделяет конфуцианские установки [13, с. 149]. Более того, конфуцианство не чуждо многим государствам Восточной Азии, прежде всего Японии, Южной Корее и Вьетнаму. В современных условиях оно не содержит компонента ксенофобии и агрессии, успешно сочетается с иными идеологиями и не препятствует развитию и налаживанию взаимовыгодных межгосударственных связей в различных сферах жизни.

Список использованных источников

1. *Боровой В. Р.* Внешняя политика КНР эпохи Ху Цзиньтао: основные особенности и тенденции / В. Р. Боровой // Труды ФМО: науч. сборник. – Вып. 6. – Минск, 2015. – С. 15–19.
2. *Бурлацкий Ф. М.* Мао Цзэдун и его наследники / Ф. М. Бурлацкий. – Москва: Междунар. отношения, 1979. – 400 с.
3. *Вэнь Цзябао.* Вэнь Цзя бао цзун ли ха фу янь цзян: ба му гуан тоу сянь чжун го = Речь премьер-министра Вэнь Цзябао в Гарварде: «Обратите внимание на Китай» / Цзябао Вэнь // Сайт китайских новостей. – 12.12.2003. – URL: <https://www.chinanews.com.cn/n/2003-12-12/26/380015.html> (дата обращения: 24.11.2024) (на кит. яз.).
4. *Жэнь Пин.* И ши вэй цзянь ши вэй лэ гэн хао цян цзинь = Извлекать уроки чтобы двигаться вперед / Пин Жэнь // Жэньминь жибао онлайн. – 17.05.2016. – URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2016/0517/c1003-28355143.html> (дата обращения: 24.12.2024) (на кит. яз.).
5. Институт Конфуция // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Институт_Конфуция (дата обращения: 21.11.2024).

6. *Киссинджер Г.* О Китае / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. Н. Верченко. – Москва: АСТ, 2014. – 635 с.

7. *Кудряшева Е. Е.* Влияние конфуцианства на внешнеполитическую стратегию КНР в период правления Мао Цзэдуна / Е. Е. Кудряшова // Сборник работ 62-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, 17–20 мая 2005 г., г. Минск: в 3 ч. / редкол.: А. Г. Захаров (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2005. – Ч. 3. – С. 157–162.

8. Лю Сяосюань. Роль конфуцианской этики во внешнеполитических установках современного Китая / Сяосюань Лю // Управленческое консультирование. – 2022. – № 5 (161). – С. 132–140. – URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-5-132-140>.

9. *Лю Пу.* Дан дай чжун го вай цзяо цзя чжи гуань: нэй хань гун нэн юй гоу цзянь = Современные китайские дипломатические ценности: коннотация, функция и конструкция / Пу Лю // Преподавание и исследования. – 2022. – № 3. – С. 76–87 (на кит. яз.).

10. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения: в 5 т. / Цзэдун Мао. – Т. 5: 1964–1977. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1977. – 640 с.

11. *Меркулов К. К.* О некоторых аспектах международного значения теории и практики современной китайской модернизации / К. К. Меркулов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVIII. / В. Е. Петровский, В. Е. Сафонова, Ш. Уизарат [и др.]. – 2023. – Гл. 16. – С. 210–224.

12. *Нечай А. А.* Роль «Пяти принципов мирного сосуществования» Китая в установлении многополярного мироустройства / А. А. Нечай // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – № 17 (1). – С. 139–147. – URL: [10.22394/2073-2929-2023-01-139-147](https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-01-139-147).

13. *Оганесян А. Л.* Роль конфуцианства в современной китайской геополитике / А. Л. Оганесян // Религия и образование: социально-политический контекст: сборник научных материалов, подготовленных по итогам круглого стола «Религия в координатах нового мирового порядка», Москва, РУДН, 24–25 нояб. 2017 г. – Москва: РУДН, 2017. – С. 143–153.

14. *Переломов Л. С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая / Л. С. Переломов. – Москва: Наука, 1981. – 340 с.

15. *Си Цзиньпин.* О создании Сообщества единой судьбы человечества / Цзиньпин Си. – Изд-во «Чжунъян бяньи чубаньшэ», 2021. – 692 с.

16. *У Гуан.* Чжун го дан дай жу сюэ фу син дэ син ши юй фа чжань фан сянь = Состояние и направления возрождения конфуцианства в современном Китае / Гуан У // Журнал Ханчжоуского педагогического университета. – 2011. – № 1. – С. 21–31 (на кит. яз.).

17. *Цзянь Цзэминь.* Избранное: в 2 т. / Цзэминь Цзянь. – Т. 1: 2010–2012. – Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2010. – 698 с.

18. Чжан миньцин. Ци ши нян вай цзяо ши цзянь дэ хой хуан чэн цзю юй чжун го тэ сэ да го вэй цзяо синь цзюй мянь = Блестящие достижения 70-летней дипломатической практики и новые горизонты великодержавной дипломатии с китайской спецификой / Пин Жэнь // Жэньминь жибао он-лайн. – 30.05.2019. – URL: https://theory.gmw.cn/2019-05/30/content_32879786.htm (дата обращения: 25.12.2024) (на кит. яз.).

19. Ян Хуаньин. Фа ян жу сюэ дэ цзи цзи цзин шэнь фань жун шэ хой чжу и вэнь хуа сюэ си мао цзе дун гуань юй жу сюэ дэ лун шу = Продвижение позитивного духа конфуцианства, процветание социалистической культуры и изучение высказываний товарища Мао Цзэдуна о конфуцианстве / Хуаньин Ян // Исследования Конфуция. – 1993. – № 3. – С. 3–9 (на кит. яз.).

20. Dellios, R. China's Quest for Global Order / R. Dellios, R. J. Ferguson. – Lanham – Boulder – New York – Toronto – Plymouth: Lexington Books, 2013. – 161 p.

(Дата подачи: 21.02.2025 г.)

О. В. Забельникова

Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка, Минск

V. Zabelnikava

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Minsk

УДК 94

ДИСКУССИИ СОВЕТСКИХ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТОВ ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ «ВСТРЕЧИ МИРОВ» НА АМЕРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

DISCUSSIONS OF SOVIET LATIN AMERICANISTS AROUND THE PROBLEM OF THE «MEETING OF THE WORLDS» ON THE AMERICAN CONTINENT

Статья посвящена рассмотрению вклада советской школы изучения историко-культурного развития Латинской Америки в мировую историографию. В ней сделан комплексный анализ многочисленных интерпретаций открытия Америки советскими латиноамериканистами и в целом научного наследия советской историографии по проблеме встречи миров, народов, культур и цивилизаций на Американском континенте.

Ключевые слова: открытие Америки; встреча миров; Новый Свет; советская латиноамериканистика; институт Латинской Америки; европоцентризм; латиноамериканизм.